

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 2-1 930

**К истории Музея Петербургской духовной академии
в послереволюционный период.
Письмо С. А. Жебелёва Н. Я. Марру****В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин*Институт всеобщей истории РАН,
Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Для цитирования: Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. К истории Музея Петербургской духовной академии в послереволюционный период. Письмо С. А. Жебелёва Н. Я. Марру // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 171–178. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.114>

После революционных событий 1917 г. изменяется судьба практически всех музейных собраний, в особенности тех, основой которых являлась история религий. Собрание Музея Петербургской духовной академии неоднократно реорганизовывалось: его перемещали в другие учреждения, соединяли с иными фондами. Практически единственным способом сохранить смысл коллекций музея — научный, образовательный, историко-культурный — являлось смещение основного акцента собрания — с религиозного на исторический, археологический. По этой причине в 1919 г. собрание было перемещено в Петроградский археологический институт. В 1925 г., в момент реорганизации Института, остро встал вопрос о судьбе коллекции. Антиквед С. А. Жебелёв предложил проект спасения собрания Музея Духовной академии: в письме к академику Н. Я. Марру он подал идею сформировать на основе его фондов Археологический музей Российской (с 1926 г. — Государственной) академии истории материальной культуры (РАИМК). Таким образом был бы решен вопрос о сохранении смысла самого собрания — представить историю религий как образовательный продукт с большим научным потенциалом и открыть крупный археологический музей, придав РАИМК новый статус. Кроме того, реализация давней мечты Жебелёва и Марра дала бы возможность открыть в Ленинграде первый чисто археологический музей академического масштаба. План С. А. Жебелёва реализован не был, фонды бывшего музея Духовной академии были распылены между Русским музеем и Эрмитажем, однако письмо

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

С. А. Жебелёв Н. Я. Марру является важным документом, ранее неизданным, проливающим свет на судьбу одного из важных музейных собраний по истории изучения религии в России и СССР.

Ключевые слова: религиоведение, церковная археология, коллекция, С. А. Жебелёв, Н. Я. Марр.

Выявление взаимосвязи между процессами формирования эпистемологических конструкторов знания и их материализацией в форме пособий, коллекций и т. п. является одним из важных направлений в философии науки. Это во многом определяет актуальность изучения истории создания и бытования коллекций того или иного профиля как интегрального компонента науковедения. Религиоведение в данном отношении не является исключением. Как было убедительно показано в отечественной историографии, институционализация первых крупных собраний церковной старины в дореволюционной России стала одним из следствий введения в учебные планы духовных академий церковной археологии как самостоятельной учебной дисциплины [1, с. 181]. Одной из наиболее значительных коллекций такого рода обладал музей при Петербургской духовной академии, созданный по инициативе выдающегося ученого Н. В. Покровского в 1879 г. (о нем см.: [2]; о музее: [3, с. 115–126]). Его судьба, как и судьба многих других собраний данного профиля, радикально изменилась после революционных событий конца 1917 г.

Одна из немногих возможностей встроить религиозно маркированные предметы в дискурсы, терпимые для новой власти, заключалась в том, чтобы сместить акценты в их семантике с церковной компоненты на историческую. Вероятно, так, как минимум на интуитивном уровне, и понималась ситуация самими участниками процесса. В мае 1919 г. был поставлен вопрос о присоединении Музея Духовной академии к музейному собранию Петроградского археологического института, положительно решенный властями и приведший к тому, что на протяжении следующих трех лет его коллекции были перемещены в здания института и объединены с институтскими фондами [3, с. 124–126]: церковная археология, таким образом, сохранялась под видом археологии «простой». Вместе с тем уже через несколько недель после завершения переезда судьба этих музейных собраний вновь оказалась под угрозой. 1 июля 1922 г. Археологический институт был включен в состав Петроградского университета (далее — Университет), составив археологическое отделение факультета общественных наук [3, с. 156–157; 4, с. 147–148]. И если до 1925 г. это отделение располагалось в прежнем здании института на набережной Фонтанки, то с решением о его переводе в основной университетский комплекс на повестку дня вновь встал вопрос о переезде. Коллекциям вновь предстояли перемещение и смена контекста. Безусловно, это приводило к утрате существенной части значения коллекций как культурного целого и к анонимности входивших в них предметов, терявших свою биографию. Размышляя над необыкновенным количественным ростом собраний Петроградского университета в 1920-е годы, И. Л. Тихонов справедливо отмечает: «Вероятнее всего, что эти материалы появились уже в послереволюционное время, когда происходило значительное перераспределение археологических коллекций из государственных и частных источников, а в университет влились собрания бывшего Археологического института» [5, с. 221].

Публикуемое ниже письмо проливает свет на обстоятельства послереволюционной истории собрания, некогда созданного по инициативе Н. В. Покровского при Петербургской духовной академии, и является интересным источником по истории отечественной науки, высшей школы и музейного дела 1920-х годов. Его автор — выдающийся отечественный антиковед Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941), преподававший в Университете с 1899 г., а в 1918–1919 гг. бывший не только деканом Историко-филологического факультета, но и ректором Университета. Адресат — видный археолог, филолог и специалист по культуре Кавказа Николай Яковлевич Марр (1865–1934), преподававший на факультете Восточных языков с 1891 г., а в 1911–1919 гг. бывший его деканом. Достаточно близкие и даже доверительные отношения сложились между учеными еще в начале XX в. К середине 1920-х годов они оба отошли от активной административной деятельности в Университете, но продолжали тесно сотрудничать в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в организации работы которой принимали самое действенное участие с момента ее создания в 1919 г. Письмо, вероятно, было написано как раз в тот момент, когда началось перемещение коллекций, вызванное переездом Археологического отделения.

Из письма следует, что уже в момент передачи коллекций Университету для его администрации они были «нежеланным» даром, безусловно, не только потому, что разместить их было негде, но и потому, что перестройка системы обучения в новых советских условиях вела к изменению самих стратегий генерирования знания, для которых материализация умозрительных парадигм была не столь уж и важна. И это при том, что именно в апреле 1925 г. в рамках реорганизации Факультета общественных наук планировалось создать отделение истории материальной культуры (в итоге был сформирован факультет языкознания и материальной культуры) [4, с. 150–151]. Совершенно иное значение коллекции имели для ГАИМК, гораздо более чуткой в этот период к «риторике артефактов» и озабоченной, в частности, использованием памятников в образовательном процессе для подготовки практикантов.

Напомним, что значительную часть собрания составляли памятники церковной старины, что позволяет наметить еще одну стратегию сохранения и развития религиоведческих исследований в раннесоветский период (см.: [6; 7]): если в случае с изучением народной религиозности центр тяжести смещался с религиозности на народность, то в случае с церковной археологией акцент делался на археологию. Так начинался новый этап биографии предметов, являвшихся источниками для проведения религиоведческих исследований. И хотя намеченный Жебелёвым план «спасения» музея не был реализован, а коллекции оказались распылены между Русским музеем и Эрмитажем [3, с. 157; 5, с. 220–221], установление их провенанса, необходимое для дальнейшего плодотворного изучения, требует уточнения всех этапов их биографии, ставшей особенно драматичной в послереволюционный период.

Дорогой Николай Яковлевич,

Вера Андреевна², со свойственной ей обстоятельностью, сообщала и сообщает Вам все текущие новости о жизни Академии. Таким образом, мне об этих новостях писать Вам нечего. Я могу поговорить с Вами лишь об одном, всплывающем, деле, могущем, по-моему, заинтересовать Академию. Изложу по порядку. На прошлой неделе, занимаясь в университетском музее древностей, я был случайным свидетелем разговора нашего сторожа Михайлы с каким-то неизвестным мне господином. Михайло доказывал последнему, что Музей древностей так загроможден, что в него ничего нельзя больше поместить. Так как и от музея древностей я «отшит», то в их разговор я не счел в праве вмешиваться. После ухода господина Михайла мне сообщил следующее: в университет «вливается» археологический институт, обладающий своим музеем, и вот теперь ищут места, куда его поместить. Музей бывшего археологического института я знаю: он состоит из разнообразных коллекций (*эламские*³ древности, [20 об.] всякого рода до-исторические, большое собрание церковных древностей [надо сказать, что в Музей Института уже влит музей бывшей Духовной Академии] etc.). В Университете для него, действительно, места нет, да он к теперешнему университету, утратившему научный характер, и не подходил бы, даже если бы место нашлось. Для меня стало ясно, что Музей института распылится: Эрмитаж и Русский музей, преследующие хищническую политику, отберут себе все наилучшее (что уже сделано с превосходным музеем Штиглица), а остальную часть рассыют, куда Бог приведет. Мне пришла тогда в голову мысль — прозондировать почву, нельзя ли будет целиком взять музей в Академию Материальной Культуры. Музей института — именно *археологический* музей, о котором мы с Вами когда-то мечтали. Он мог бы послужить прекрасным фондом для создания будущего Археологического музея именно в стенах Академии. В Академии теперь есть склад древностей, но роль его странная, вещи, [21] находящиеся в нем, постепенно перевозятся в Эрмитаж или в Русский музей, где они, особенно в Эрмитаже, остаются под спудом, в ожидании, когда господа хранители соизволят их выставить. Если бы Академия завела свой музей (а не склад), то она перестала бы играть роль какой-то передающей инстанции между X⁴ и Эрмитажем, и вещи *нашего* музея не подлежали бы из него изъятию, не отдавались бы нам на какое-то временное хранение. Важно положить начало нашему музею, а что из него выйдет, будет видно дальше — отдать вещи мы всегда успеем, получить же вещи не так-то просто. Все эти свои мысли я изложил одной только Вере Андреевне, из разговора с которой я убедился, что место для музея института в академии найдется⁵, содержание его особых затрат не вызовет, на перевозку

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 20–23 об. — В тексте документа в квадратных скобках обозначены номера листов. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

² Миханкова Вера Андреевна (1892–1952) — историк, сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, с 1923 г. — секретарь председателя Академии, ближайшая помощница и автор первой биографии Марра.

³ Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в письме самим Жебелёвым.

⁴ Вписано: YZ.

⁵ Академия истории материальной культуры располагалась в помещениях Мраморного дворца, на набережной Невы.

деньги найдем или попросим. Оставалось наладить дело с Университетом, которому Институтский музей фактически принадлежит. Так как теперь Томашевский⁶ [21 об.] играет первую скрипку в Университете, а фактически является, пожалуй, даже капельмейстером, то я попросил И. И. Мещанинова⁷ сходить к Томашевскому (сам я не знаю даже в лицо) и позондировать почву. Сегодня И. И. был у Томашевского, и результаты свидания превзошли мои ожидания. Томашевский сказал И. И., что Университет не знает, что делать с Институтским музеем, что у него, Томашевского, был план взять музей в Главнауку и из нее распределить вещи по разным местам, т. е. губить музей; что, узнав о готовности АИМК⁸ взять музей себе, он находит это правильным и желает, чтобы АИМК возбудила соответствующее ходатайство перед Главнаукой (Ленинградской); что с Университетом он, Томашевский, как «двуликий Янус» (его выражение) дело устроит и т. д. Завтра же я пишу в Главнауку официальную бумагу — на свой риск и страх, потому что не знаю, разделяете вы мои мысли и планы [22] или нет. Если не разделяете, беды от моей бумаги не произойдет, — возьмем ее обратно, да и все тут, если же разделяете, то хорошо было бы, если бы Вы послали Томашевскому краткую депешу с указанием на то, что Вы ходатайствуете о передаче институтского музея РАИМК. До Вашего приезда дело не пойдет дальше принципиального решения вопроса, а когда Вы вернетесь, мы все обсудим подробно. Пока все это я держу в строжайшей тайне; не обмолвился ни одним словом даже Б. В. Фармаковскому⁹ (он, конечно, сейчас бы раззвонил обо всем в Эрмитаже и поддержал хищнические аппетиты И. А. Орбели¹⁰, который поскакал бы к Томашевскому etc.). Внедрение музея в Академию имело бы важное значение и для наших «практикантов» (на это я также укажу в своей бумаге), которые нашли бы в нем богатейший для себя материал. Изложил, как умел обстоятельно, весь ход дела, которое, по-моему, очень полезно и само по себе, полезно [22 об.] и для РАИМК, которой, я полагаю, придется взять в свои руки все археологическое дело России, так как других инстанций, которые могли бы этим делом ведать и руководить, я не вижу, ибо в Академии Наук археологией интересуются мало, университет сошел на нет в ученном смысле, музеи ведут свою политику и пользуются РАИМК лишь как дойной коровой — да и то, не хотят пить всего молока, а снимают с него только сливки, охотно предоставляя лицам, не причастным к музеям, есть простоквашу (вещь не худая, но прописывается, главным образом, лицам, страдающим диспепсией). Но, повторяю, если Вы разводимым мною [нрзб.] не сочувствуете, ничего не посылайте Томашевскому. Дело заглохнет само собой.

⁶ Томашевский Всеволод Брониславович (1891–1927) — филолог, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, в июне 1926 — феврале 1927 гг. — ректор ЛГУ.

⁷ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — лингвист, археолог, ученик Н. Я. Марра, работал, в частности, над систематизацией эламских собраний петербургских музеев, академик АН СССР (1932).

⁸ (Российская) Академия истории материальной культуры.

⁹ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) — археолог, историк искусства, член-корреспондент ИАН (1914), профессор Петроградского археологического института (1917), Петроградского государственного университета (1919), Ученый секретарь РАИМК (ГАИМК) в 1921–1928, сотрудник Эрмитажа с 1924 г.

¹⁰ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, участник раскопок в Ани под руководством Н. Я. Марра, на момент написания письма — член-корреспондент РАН (1924), преподаватель Петроградского археологического института, профессор кафедры истории восточного искусства Петроградского государственного университета, член РАИМК, помощник директора Эрмитажа (1924).

Включение Вашего разряда и Спицына¹¹ в Этнологическое отделение — fait accompli¹². Теперь получилось такое соотношение сил: Этнологический отдел — 27 человек, Археологический — 38, Художественно-исторический [23] — 20. Этологи наши должны успокоиться: они теперь никем и ничем не обижены.

В том же совете¹³ я внес предложение посвятить IV т. «Известий» юбиляре-ше, Академии Наук. Протестов не было, даже со стороны моего соседа справа, С. Ф. Ольденбурга, который любит вообще с моими предложениями не соглашаться. За III т. Известий мы теперь рассчитались вполне, и нет препятствий к допечатанию и своевременному выпуску IV т., конечно, при условии, если этого желает редактор тома, т. е. И. А. Орбели (на совете не присутствовал, но о состоявшемся постановлении ему, конечно, известно). Орбели очень кратко говорил со мною до заседания совета по поводу IV т., указывая, что он выйдет менее нарядным, чем предыдущие, и, намекая на то, что не посвятить ли Академии Наук его сборник армянских надписей. Я сказал Орбели, что последнее неприемлемо — не может же РАИМК посвятить РАН труд одного из своих членов, хотя бы и изданный на средства [23 об.] Академии; что посвящать возможно только труд коллективный, каковым является IV т.; что РАН не обидится на менее изящную его внешность, помянув, «мне не дорог твой подарок etc.»¹⁴; что он, И. А. Орбели, может посвятить свой сборник РАН как автор от себя лично, и что РАИМК, конечно, ничего против этого иметь не будет. В результате этого разговора И. А. Орбели обещал зайти в Академию поговорить со мною. Но после разговора прошло 1 ½ недели, а он не пришел, очевидно, не желает иметь со мною дела, а может быть, — и это сделало бы ему честь — конфузится беседовать со мною, после всех «репримандов»¹⁵, подпущенных им мне за последние годы, очевидно, в благодарность за то, что я учил его греческому языку и печатал его статьи в ЖМНП¹⁶. Впрочем, я на Орбели не сержусь, так как считаю его человеком «без задерживающих центров». Ну, исписал уже два листа, осталось только передать поклон Александре Алексеевне¹⁷ и подписаться

Ваш С. Жебелёв.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

Литература

1. *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
2. *Пивоварова Н. В.* Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 41–118.
3. *Пивоварова Н. В.* Памятники церковной старины в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е гг. М.: БуксМАрт, 2014. 432 с.

¹¹ Спицын Александр Андреевич (1858–1931) — археолог, член РАИМК, член-корреспондент АН СССР (1929).

¹² Свершившийся факт (*фр.*) Марр с 1921 г. заведовал в РАИМК Разрядом археологии Древнего Востока, Кавказа и яфетического мира, а Спицын с 1919 г. — Разрядом русской археологии.

¹³ Имеется в виду заседание Совета РАИМК, членом которого был Жебелёв.

¹⁴ Приводится строка из народной песни «По улице мостовой»: «Мне не дорог твой подарок, / дорога твоя любовь...»

¹⁵ От *réprimande* (*фр.*) — «упрек», «выговор».

¹⁶ На протяжении многих лет Жебелёв был редактором одного из отделов «Журнала Министерства народного просвещения».

¹⁷ Марр (урожд. Жуковская) Александра Алексеевна — жена Н. Я. Марра, сестра ираниста В. А. Жуковского и сестра жены академика-востоковеда В. В. Бартольда.

4. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском государственном университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 330 с.
5. Тихонов И.Л. Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2016. Вып. 16. С. 209–226.
6. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
7. Шахнович М.М. Изучение истории религии в 1920-е годы и первые антирелигиозные экспозиции в Ленинграде // Религиоведение. 2018. № 4. С. 152–157.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2019 г.;
рекомендована в печать 11 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Ананьев Виталий Геннадьевич — д-р культурологии, науч. сотр.; v.g.ananiev@gmail.com

Бухарин Михаил Дмитриевич — д-р ист. наук, действительный член РАН, глав. науч. сотр.;
michabucha@gmail.com

On the history of the Museum of Petersburg Theological Academy after the Revolution: A letter of S. A. Zhebelev to N. Ya. Marr*

V. G. Ananiev, M. D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32A, Leninskii pr., Moscow, 119334, Russian Federation

For citation: Ananiev V. G., Bukharin M. D. On the history of the Museum of Petersburg Theological Academy after the Revolution: A letter of S. A. Zhebelev to N. Ya. Marr. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 171–178.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.114> (In Russian)

After the revolution of 1917 the fate of practically all museums, in particular those based on the history of religions, changed. The collection of the Museum of the St. Petersburg Spiritual academy was repeatedly reorganized: it was moved to other institutions and joined other collections. The only way to keep sense of the museum's collection — scientific, educational, historical and cultural — was the shift of its main focus — from religion to history and archaeology. For this very reason, in 1919 the collection was moved to the Petrograd Archaeological Institute. In 1925, at the time of reorganization of the Institute, the question concerning the fate of the collection had to be resolved. Professor of Classical studies S. A. Zhebelev proposed a project to preserve the collection of the Museum of the Spiritual academy. In a letter to academic N. Ya. Marr, he suggested creating an archaeological museum of the Russian Academy of History of Material Culture on the basis of its funds. In this very way, the problem of maintaining sense of the collection would be solved — to present history of religions as an educational product with a high scientific potential and to open the large archaeological museum, which gave the Academy of History of Material Culture a new status. Besides, realization of an old dream of Zhebelev and Marr would provide the opportunity to open the first purely archaeological museum of academic scale in Leningrad. S. A. Zhebelev's plan was not implemented and funds of the former Museum of Spiritual academy were dispersed between the Russian Museum and the Hermitage, however the letter of S. A. Zhebelev to N. Ya. Marr

* This article was done for the project No. 18-18-00367 of Russian Science Foundation “The World History in Soviet Science, Culture and Education in 1917–1947”.

is an important document, earlier unpublished, shedding light on the fate of one of the main museum collections on the study of history of religions in Russia and the USSR.

Keywords: the study of religion, church archeology, collection, S. A. Zhebelev, N. Ya. Marr.

References

1. Vzdornov, G. V. (1986), *The history of discovery and research of Russian mediaeval painting. 19th century*, Iskusstvo Publ., Moscow, 384 p. (In Russian)
2. Pivovarova, N. V. (2014), *The monuments of church history in Petersburg — Petrograd — Leningrad. From the history of formation of museum collections: 1850–1930th*, BuksMArt Publ., Moscow, 432 p. (In Russian)
3. Pivovarova, N. V. (2004), “N. V. Pokrovskiy: personality, academic heritage, archive”, in *Mir russkoy vizantinistiki*, Dmitriy Bulanin Publ., St. Petersburg, pp. 41–118. (In Russian)
4. Tikhonov, I. L. (2003), *Archaeology in the Saint Petersburg State University. Historiographical Essays*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 330 p. (In Russian)
5. Tikhonov, I. L. (2016), The Museum of Antiquities and Fine Arts in the Saint Petersburg University, *Mnemon: issledovania i publikatsii po istorii antichnogo mira*, is. 16, pp. 209–226. (In Russian)
6. Shakhnovich, M. M. and Chumakova, T. V. (2016), *Ideology and science: The study of religion in the period of cultural revolution in the USSR*, Nauka Publ., St. Petersburg, 367 p. (In Russian)
7. Shakhnovich, M. M. (2018), Study of the History of Religion in the 1920s and the First Anti-Religious Expositions in Leningrad, *Religiovedenie*, no. 4, pp. 152–157. (In Russian)

Received: February 7, 2019

Accepted: December 11, 2019

Authors' information:

Vitaliy G. Ananiev — Dr. Hab. (Cultural Studies), Researcher; v.g.ananiev@gmail.com

Mikhail D. Bukharin — Dr. Hab. (History), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher; michabuacha@gmail.com